

UDC: 159.9

HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL CONTEXT OF THE STUDY OF ETHNIC IDENTITY

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*STEPANOVA Galina, candidate of Psychological Sciences,
Voronezh State Pedagogical University, Voronezh City, Russia*

*СТЕПАНОВА Галина, кандидат психологических наук,
Воронежский государственный педагогический университет,
г. Воронеж, Россия*

Annotation: *The article investigates peculiarities of ethnic identity functioning. The author focuses on the Russians' ethnic identity. The author points out the actuality of the historico-psychological research of the phenomenon which allows determining both dynamical aspects of the identity and the ethnocultural constants. The results of empirical study of the Russians' ethnic identity within the historico-psychological context are given. Special attention is drawn to the fuzziness of structural components of identity, weak verbalization of the ethnicon, inconsistency of ethnic stereotypes. The necessity for the search of determiners of the stated peculiarities is ascertained.*

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности функционирования этнической идентичности. Подчеркиваются особенности этнической идентичности русских. Отмечается актуальность историко-психологического исследования феномена, позволяющего увидеть, как динамические стороны идентичности, так и этнокультурные константы. Приводятся результаты эмпирического исследования этнической идентичности русских в рамках историко-психологического контекста. Указывается на размытость структурных компонентов идентичности, слабую вербализацию этнонима, противоречивость этностереотипов. Констатируется необходимость поиска детерминант указанных особенностей.*

Keywords: *ethnic identity, irrationalism, historico-psychological reconstruction, ethnicon, ethnic stereotypes, ethnocultural constants, intergenerational succession.*

Ключевые слова: *этническая идентичность, иррациональность, историко-психологическая реконструкция, этноним, этностереотипы, этнокультурные константы.*

Введение

В современных психологических исследованиях все чаще обращается внимание на тесную связь психологии и истории, на их взаимную обусловленность. Историческая психология изучает историческую детерминацию психики, рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, как объекта и субъекта исторического процесса. Психический мир наших предков отражается в нашей жизни как непосредственно, так и трансформировано; представлен в культуре, обычаях, психике, исторической памяти, менталитете, стереотипах поведения современного человека [7]. Актуальной проблемой исторической психологии является сегодня историческая преемственность этнической

идентичности, особенности ее проявления, актуализации, содержания. Еще древние философы указывали на важность историко-культурной связи в самосознании народа. Цицерону принадлежат современно звучащие слова: «Мы ... не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня: мы как бы чужие для себя самих» [6, с.93].

Формулирование новой интегрирующей национальной идеи – формирование (конструирование) национально-гражданского общества и общероссийской идентичности граждан России, требует нового подхода к исследованию этнической идентичности всех этносов, проживающих на территории России. Учитывая принципиально новые реалии и задачи современного общества, необходимо с разных сторон взглянуть на историю возникновения, историческую динамику и социально-психологическую сущность этнической идентичности, ее функции, особенности актуализации и трансформации в периоды транзитивности общества, ее ресурс и ограничения в процессе конструирования новой идентичности. Иными словами, необходимо отойти от однозначной, сравнительной оценки этнических характеристик по одному или ограниченному количеству параметров и перейти на уровень анализа многообразия проявлений феномена в зависимости от меняющихся культурно-исторических условий.

Необходимо отметить, что в 1980-х – начале 1990-х годов новый термин «этническая идентичность», пришедший в российскую науку вместе с работами зарубежных (преимущественно американских) антропологов и социологов (Glaser N., Moynihan D.P., 1975) начинает активно «конкурировать» с привычным для российского научного знания понятием «этническое самосознание». История развития понятия «этническое самосознание», которое предвляло появление в российской науке понятия «этническая идентичность», показывает, что наиболее интенсивные периоды его исследования, уточнение признаков, структуры, связаны с важнейшими историческими событиями: например, поражение России в русско-японской войне и первая мировая война (работы В.В. Ивановского, П.И. Ковалевского, П.Н. Милюкова, В.И. Никольского, Д.Муретова и др.); Великая Отечественная война (работы П. Кушнера, Д.С. Лихачева, В.В. Мавродина). Таким образом, этническое самосознание, само по себе являющееся результатом этногенеза, играет колоссальную консолидирующую роль в истории этносов.

Этническая идентичность является парадоксальным феноменом. Критериями парадоксальности могут служить такие ее характеристики, как глубинность, архетипичность, эмоциональная насыщенность, стремительная актуализируемость при наличии ресурса. Н.А.Бердяев отмечал, что ни раса, ни территория, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. «Национальность – таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие» [3, с.87]. Современные авторы утверждают, что наука не дает ответа на вопрос, откуда вообще взялось этническое, из каких потребностей и сторон жизнедеятельности людей оно возникло? С.В.Чешко определяет этничность как не детерминированный никакими материальными причинами социальный инстинкт - инстинкт коллективности, т.е. единства двух противоположных начал – группирования и разделения [14].

Глубинность, иррациональность этнического «Я» особенно активно проявляется в переломные, кризисные периоды, когда идет интенсивное размывание систем социальной идентификации, в том числе и механизма осознания индивидами своих социальных групп (классовых, профессиональных, территориально-поселенческих и др.). При этом сохраняется этническая идентичность, которая выражает непрерывность процесса связывания

настоящего с прошлым. Она как бы «говорит» человеку, что, несмотря на то, что многое рушится и меняется, есть что-то неизменное и устойчивое – это «чувство этнической принадлежности к какой-либо общности, обеспечивающее индивида ощущением исторической непрерывности и личностной аутентичности в современном мире» [12, с.103].

Материалы и методы исследования

Парадоксальность этнической идентичности и другие ее особенности можно попытаться понять, обратившись к историко-психологическому контексту ее изучения. Реконструируя процесс становления этнической идентичности в истории, можно обнаружить его длительность, сложность, неоднозначность, перерывы постепенности, поэтому предположение, что формирование единой общегражданской идентичности россиян может произойти за короткий исторический промежуток, не совсем оправдано. Процесс конструирования феномена требует глубокого психологического знания его этнокультурных ресурсов и ограничений.

Говоря об исторических истоках формирования этнической идентичности, необходимо помнить о психологическом механизме этого процесса, или о формировании этнокультурной познавательной оппозиции «Они - Мы», о чем говорил Поршнева Б.Ф. На заре человеческой истории, для того чтобы в самосознании первобытных людей появился образ «Мы», человечеству нужно было повстречаться с кем-то «Они». Т.е. образ «Они» является первичным по сравнению с «Мы». Для того чтобы идентифицироваться с «Мы», необходимо противопоставить себя «Они». Такое соотношение показывает универсальный механизм формирования этнокультурной идентичности – механизм противопоставления и одновременно отождествления [10].

Возможности историко-психологического контекста в изучении этнической идентичности можно проиллюстрировать на примере русского этноса. Поиск исторических истоков появления этнической идентичности русских осложняется рядом особенностей. Так, для формирования самосознания русских характерна историческая прерывность преемственности в формировании феномена. Это явление неоднократно наблюдалось в истории. В начале XX столетия в России происходят события, наложившие отпечаток на историю русского этнического социума, что проявилось в кризисе этнического самосознания, этнической идентичности. Историко-психологическая природа этнической идентичности заключается в ее отношении к связи поколений. Предполагается, что если не произойдет идентификации ряда поколений этноса друг с другом, или не реализуется “трансляция” этнокультурного опыта, то не сложится и этнической истории как межпоколенной истории этнического социума. В связи с этим думается, что слабость рефлексии, противоречивость, часто встречающееся безразличие, есть результат разрыва межпоколенных этнических связей последних десятилетий. Причем наблюдается “двойной” разрыв: с одной стороны, между дореволюционной Россией и ее этнокультурным опытом и между Советской Россией. С другой стороны, между Советской Россией и ее, не поддающимся однозначным оценкам, социальным и культурным опытом и современным периодом. Сегодня отчетливо вырисовывается проблема: не ускользнет ли окончательно эта нить, связывающая прошлое России, ее культуру, настоящее и будущее, и не упускаем ли мы очередную возможность в выборе средств и способов выхода из современного кризиса России. В частности, разрыв преемственности этнической идентичности проявился, на наш взгляд в утрате синонимического этнокультурного самоопределения «православный – значит русский». Понятия русский и православный были тождественными. Поэтому в

конфессиональном сознании русских выражалась и их национальная самоидентификация. Кроме того, следствием прерывности стало и разрушение советской идентичности, результатом чего стало усиление противоречивости, неопределенности и амбивалентности этнической идентичности, что сегодня является характерным для русской идентичности. Такие особенности исторического становления этнической идентичности русских определяют и многообразие научных точек зрения на истоки, природу идентичности. Обратимся к некоторым из них.

Результаты и обсуждения

Образ «Мы» в самосознании русского народа формировался на протяжении всей истории. Русский историк М.О. Коялович свою книгу, вышедшую в восьмидесятых годах XIX в., посвященную истории Русского государства начиная со времен Игоря Святославовича и заканчивая славянофилами и западниками назвал «История русского самосознания» [8]. Автор отмечал, что ассимилятивный механизм формирования национальной общности был изначально свойственен русским. Но, подчеркивая важность изучения содержания и сущности русского самосознания, он писал, что и господство иноземных влияний на нашу историческую жизнь – немецкого и византийского, и даже смешение славянско-русского элемента на северо-западе с финским, на юге – с хазарским, не устранили значения исследования о том, что же такое это смешиваемое с «иноземством» русское начало само по себе? Причем, автор утверждал, что основным механизмом исторического формирования образа «Мы» было развитие саморефлексии. А. Ахиезер отмечал, что попытка осмыслить Россию как цивилизацию является важнейшим компонентом развития самосознания россиян. Подобный поиск важен для любой страны, для любого народа. Особенно, по его мнению, он важен для России – страны, в которой люди не определились полностью в своей идентификации с Востоком или Западом, ориентацией на «архаичное вечное наследие» или ценности либеральной демократии. Автор утверждает, что от рефлексии мировоззренческих вопросов зависит решение бесконечного множества теоретических и практических, основополагающих для общества проблем, концепция государственного развития, характер модернизации, смысл повседневной жизни [2].

При обращении к историко-психологическим аспектам в изучении этнической идентичности важными проблемами выступают: период появления самоназвания (этнонима), механизм его появления и критерии отнесения к общности.

При определении этнодифференцирующих и этноинтегрирующих критериев идентичности русских (объединяющих с этносом и отличающих от других) многие авторы указывают на такие признаки как язык и православие.

Б. Флоря указывает, что при описании «мученика» летописцем XIII века было указано, что «мученик» был «иноязыка, не Русаго». Таким образом, в данном случае контакты с иноязычной средой активизировали в сознании представление о «русских» - восточных славянах как особом народе – «языке».

Кроме того, изучение текста Ипатьевской летописи последней четверти XII в. позволяет выявить в ней использование традиционных для древнерусской традиции понятий, в частности употребление термина «Русь» в значении одновременно народа и государства, и обозначение территории, занятой «Русью», как «Русской земли». Автор подчеркивает, что на протяжении второй половины XIII – в начале XIV века самоидентификация населения с «Русью» и «русскими» прочно утвердилась во всех частях Древней Руси. Причем во всем восточнославянском ареале в XIII в. усилилось чувство принадлежности к особой

древнерусской народности, что, по мнению Б.Флоря, являлось естественной реакцией на небывалое, именно в ту эпоху, расширение контактов с иноэтническими соседями и на прямую конфронтацию с некоторыми из них [13, с.12,20,34]. Кроме того, существенное увеличение значения конфессионального компонента в самосознании славянских народов, в том числе русских, явилось результатом интенсификации контактов с иноплеменниками, причем контактов враждебных, особенно с иноверными народами, что в период установления татаро-монгольского ига вызвало обострение чувства приверженности к православию. Такие исторические факты подтверждают точку зрения Б.Ф.Поршнева на противопоставление познавательных структур «Они» и «Мы» как механизм формирования идентичности.

Также следует отметить, что в XV веке стали усложняться этностереотипы, совмещая в себе и положительные, и отрицательные характеристики относительно одного и того же народа. Так, в представлении поляков, русские «изнеженные и неверные» - были в то же время «простосердечными и добрыми по природе». Это говорит о том, что противоречивость исторически характерна для этностереотипов, что сегодня является отдельным предметом исследования [9, с.224].

Многие из историков, исследующих феномен нации, определяли её как продукт социального конструирования и коммуникации. Идея общего прошлого, согласно их точки зрения, является определяющей для возникновения национальной идентичности. Исторический опыт развития и гибели наций показывает, что процесс их существования является вполне управляемым, особенно в наш век развития информационных технологий [5].

Обращаясь к работам Е.А. Вишленковой, которая утверждает, что на период 1770 года этнонима, как актуализированного самоназвания, т.е. используемого в обыденной речи, у русских как такового еще не существовало, а идентичность была последовательно сконструирована, можно отчетливо выделить этапы конструирования. При этом мы, безусловно, предполагаем, что это одна из точек зрения на исторический процесс становления этнической идентичности русских. Речь здесь идет о возможном несовпадении частоты упоминания этнонима и сформированности этнической идентичности. Например, во время Всероссийской переписи населения 1897 г. в опросных листах присутствовали вопросы о вероисповедании, родном языке, семейном положении, сословии, месте рождения и т.д., но отсутствовал прямой вопрос о национальности. Его подменял вопрос о родном языке.

Описывая творчество художников – этнографов, Е.А. Вишленкова выделяет их роль в последовательном, постепенном становлении самоидентификации русских, отмечая, что для самопознания населению предлагалась информация внешняя, причем, зачастую этнографов – иностранцев. С точки зрения автора, первым этапом было создание и предъявление зрителю XVIII века образа русского/российского человека, через изображение национального костюма. Визуальный образ был первичным в становлении этнической идентичности. Основной причиной того, по мнению Е.А. Вишленковой, была христианская традиция, которая закрепила за рисунком больший ресурс достоверности, чем за литературным текстом. Считалось, что внешний образ воздействует, а значит, и учит быстрее и глубже, чем слово. Следующим этапом было введение западным художником XVIII века Лепренсом в костюмный жанр сюжета и бытовых подробностей. Обратившись к показу этнических «нравов», «русскость» была показана как набор верований, обрядов, ритуалов и праздников. Взятые из разных социальных слоев, русские живут по особым, «русским» правилам —

играют в салочки, скорбят на похоронах, дерутся на кулаках, воюют с соседями, моются в бане, пляшут на празднике, пьянствуют в кабаке. Своими типажам Лепренс убеждал зрителя: «Все эти такие разные люди — русские, потому что они живут по-русски» [4, с.22]. Таким образом, визуальное понятие «русский народ» обогатилось смыслом. Благодаря массовому тиражированию рисунков, среди современников утвердилось соглашение относительно того, участники каких ритуальных действий должны опознаваться как «русские». Лишь следующим этапом было написание научного текста. Такая последовательность соответствует последовательности когнитивных процессов в человеческом восприятии мира. Согласно данным современных исследователей, опыт визуального восприятия первичен и является основой для запуска аналитического процесса [1].

На сконструированную природу идентичности русских указывает и В.Кожин. Он писал, что эта, своего рода, закономерность развития русского культурного самосознания была уяснена давным-давно. Еще в 1839 году Иван Киреевский, размышляя о духовных ценностях русского Православия, утверждал, что желать теперь остается только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей Церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу Церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французам и немцам и сами узнали бы то, что имеем [6].

Приведенный выше краткий исторический экскурс становления этнической идентичности русских требует поиска соответствующих особенностей или их следов у современных представителей общности, что позволяет выделить историко-культурные константы и динамические особенности в формировании и проявлении феномена.

Авторское исследование этнической идентичности русских, которое длится с 1998 года и насчитывает более тысячи респондентов различных возрастных групп позволило выявить ряд устойчивых закономерностей и динамических изменений. Например, устойчиво подтверждается слабая вербализация этнонима («Я русский») и противоречивость его содержания. А именно, результаты неоднократных срезов с помощью методики Куна-Макпартленда показывают слабую выраженность этнонима (в пределах 8 – 10% от выборки).

Отчетливо проявляется ведущая роль эмоционального компонента идентичности. На фоне слабой вербализации этностереотипа обнаруживает себя однозначно позитивная, устойчивая реакция на стимул «русские» в виде таких эмоциональных переживаний в связи со своей национальной принадлежностью, как «чувство гордости, радости, ответственности, удовлетворенности и т.д.». Можно предположить, вновь обращаясь к истории становления феномена, что именно слабая вербализация этнонима в самосознании русских приводила некоторых авторов (Е.А.Вишленкова) к выводу о несформированности идентичности у общности в конце XVIII в.

Кроме того, автостереотипы (самоописание) русских респондентов устойчиво противоречивы и включают в себя взаимоисключающие категории («ленивые – трудолюбивые», «открытые - подозрительные», «добродушные - завистливые» и т.д.). Как мы видели выше, противоречивость этностереотипов имела место в глубокой истории и была свойственна не только русским.

Обращает на себя внимание сохраняющийся механизм идентификации, а именно – самоопределение. Ведущими этноинтегрирующими признаками, объединяющими с народом выступают, в первую очередь, «язык», «единство происхождения» и «совместное

проживание». «Кровное родство», или национальность родителей как этноинтегрирующий признак стоит на одном из последних мест. При этом указанные особенности национального самоопределения наблюдаются у представителей различных поколенных групп. Необходимо отметить, что религия также занимает одно из последних мест в этнической идентификации. Можно предположить, что религиозный фактор этнической идентификации потерял свою актуальность еще в первой трети XX века. При исторической стабильности и синонимичности категорий «русский-православный» такая динамика вызывает ряд вопросов. Один из виднейших русских мыслителей В. В. Розанов об этом писал следующее: «И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть - и мы сбросили крест. Просто, как православным человеком русский никогда не жывал. Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно "в баню сходили и окатились новой водой" [11]. Такие факты ставят проблему исторической природы и степени устойчивости некоторых особенностей этнической идентичности русских и факторах, разрушающих, казалось бы, незыблемые устои.

Исследование уровня рефлексии также показало любопытную картину. Степень включенности в современный социокультурный контекст как показатель рефлексии можно проиллюстрировать исследованием актуальности этнокультурных проблем, проведенным в 2017г. Например, в ответ на вопрос «Насколько актуальны для Вас этнокультурные проблемы?», 59% испытуемых ответили, что они актуальны «для моего народа» и лишь 12% испытуемых ответили, что «актуальны для меня лично». При этом под этнокультурными проблемами понималось «состояние национальной культуры, необходимость сохранения этнокультурных традиций, личный вклад в достижение межнационального мира». Можно предположить, что это свойственно юношескому возрасту, когда на первый план выходят межличностные проблемы. Но опрос старших групп (в общей сложности было опрошено 240 чел.), показал аналогичную тенденцию. Так, в группе 25-40-летних испытуемых, аналогичный ответ дали 55% и 14% соответственно, а в группе 40-55 летних и старше для 60% опрошенных проблема актуальна для народа в целом, и лично актуальна лишь для 10% испытуемых. Можно утверждать, что рефлексивные особенности осознания себя включенным в этнокультурную среду выражены у испытуемых недостаточно. Это говорит о том, что в самосознании, в принципе, выражен уровень идентичности «Мы-русские» и слабо представлен уровень «Я-русский». Недостаточность переноса характеристик «Мы» на уровень «Я» приводит к размыванию представлений о себе как представителе культуры, а соответственно и к непониманию этнокультурных особенностей других. Интеграцию «Я» и «Мы» образов в самосознании можно рассматривать как этнокультурный потенциал развития общности. Пути и механизмы интеграции требуют дальнейшего исследования.

Выводы

Таким образом, обобщая достаточно краткий экскурс в историю и все вышесказанное, можно утверждать, что, несмотря на историческую прерывность в формировании этнической идентичности русских, обнаруживаются как этнокультурные константы в содержании идентичности, так и динамические, качественные изменения. Историко-психологический контекст исследования феномена позволяет выявить его парадоксальность и иррациональность и открывает значительные перспективы в изучении этнической идентичности в плане понимания ресурса и ограничений в процессе конструирования общегражданской идентичности «Мы – Россияне».

Библиография

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974. 180 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. Новосибирск, 1997. 345 с.
3. Бердяев И. Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 240 с.
4. Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 56 с.
5. Злобин А. Н. Проблемы изучения русского исторического сознания и этнической идентичности в эпоху позднего Средневековья (в контексте «постмодернистского вызова»). В: Известия Уральского государственного университета, 2010, № 6(85), с. 327-334.
6. Кожин В.В. История Руси и русского слова (Опыт беспристрастного исследования). М., "Алгоритм", 1999. 480 с.
7. Кольцова В.А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ. В: Психологический журнал. 2011, т.32, № 3, с.85-95.
8. Коялович М.О. История русского самосознания. СПб., 1884. 603 с.
9. Литаврин Г.Г., Б.Н.Флоря. Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке. В: Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. 240 с.
10. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. 487 с.
11. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. В: Метафизика христианства. М., 2000. с.788. https://fictionbook.ru/author/vasiliyi_vasilevich_rozanov/.
12. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Спб., 1997. 184 с.
13. Флоря Б.Н. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей В: Этническое самосознание славян в XV столетии. М.: Наука, 1995. 240 с.
14. Чешко С.В. Человек и этничность. В: Этнографическое обозрение, 1994, №6, с.35-49.